

Хот-пот по системе шведского стола, куда Лу Цзэянь привёз Шэнь Цинцы, находился в пятизвёздочном отеле и считался популярным интернет-рестораном, поэтому народу там было много.

Но поскольку отель располагался совсем рядом с киностудией, администрация предусмотрительно разделила ресторан на две зоны: общую и VIP. VIP-зона специально обслуживала людей со статусом вроде Лу Цзэяня.

Стоило Шэнь Цинцы войти, как его глаза засияли, скользя по выложенным продуктам.

Морское ушко, трепанги, вагю, омары, камчатские крабы... сплошные дорогие морепродукты: одно дороже другого и одно соблазнительнее другого.

Когда он раньше искал информацию в интернете, ничего такого не видел. Видимо, это было скрытое меню, и цена наверняка тоже была немаленькой.

Но неважно. Беспокоиться об этом не ему — Лу Цзэянь ведь обещал угостить.

Официант проводил их в отдельную комнату, и они заказали котёл с двумя видами бульона.

Угу, Лу Цзэянь не ел острое, поэтому и выбрали разделённый котёл.

Бульон ещё не успели принести, а Шэнь Цинцы уже пошёл за продуктами. Вскоре тарелки на столе громоздились чуть ли не горой: ноги камчатского краба сложены целым холмом, толстые и жирные ломтики брюшка лосося, прозрачные сладкие креветки, ярко-жёлтая икра морского ежа — от одного вида аппетит разгорался вовсю.

Лу Цзэянь поднял голову и спокойно спросил:

— Ты уверен, что всё съешь?

Шэнь Цинцы уверенно похлопал себя по животу:

— Ты меня недооцениваешь. С этим я разделаюсь без проблем.

Лу Цзэянь посмотрел на груды еды, потом на тонкие руки и ноги Шэнь Цинцы и никак не мог понять, куда в этом маленьком теле всё это поместится.

Наконец принесли бульон. Шэнь Цинцы с грохотом начал закидывать туда продукты, а Лу Цзэянь воочию узнал, что значит «переродившийся голодный дух».

Разумеется, даже когда у Шэнь Цинцы весь рот блестел от еды, он всё равно выглядел мило. Лу Цзэянь мысленно назвал его так лишь потому, что впервые встречал человека, способного съесть столько.

Ел малыш не особенно быстро, зато с невероятной выносливостью: ломтик за ломтиком, креветка за креветкой. Только одна тарелка пустела — в следующую секунду он уже бежал к стойке и возвращался ещё с двумя. Всё гладко, слаженно и без остановок.

Самое невероятное — пока он ел, от него исходило какое-то чистое, совершенно беззаботное счастье.

Стоило очистить ногу камчатского краба, обмакнуть белоснежное мясо в имбирно-уксусный соус и отправить в рот — глаза сразу изгибались полумесяцами.

Брюшко лосося он макал в соевый соус с васаби и, надкусив, удовлетворённо вздыхал. Звук получался мягким и ленивым, словно у кота, которого гладят в самом приятном месте.

Морского ежа ел просто так. Свежая сладость растаяла на языке — и Шэнь Цинцы откинулся на спинку стула с выражением: «В этой жизни мне больше нечего желать».

Лу Цзэянь лишь изредка двигал палочками, а большую часть времени смотрел представление в исполнении Шэнь Цинцы.

Он обнаружил, что наблюдать за тем, как Шэнь Цинцы ест, — удивительное занятие.

От этого почему-то начинало казаться: как же хорошо жить, как же прекрасна вкусная еда, и этот мир всё-таки не так уж плох.

В одиночку Шэнь Цинцы уничтожил две ноги камчатского краба, тарелку брюшка лосося, восемь сладких креветок, пять морских ежей, половину бостонского омара, неизвестное количество ломтиков вагю, два десерта и огромный стакан свежавыжатого сока.

В завершение он съел миску мангового десерта с помело и саго и наконец, полностью довольный, растёкся по стулу, положив обе руки на живот. Весь он был похож на сытого кота.

Лу Цзэянь посмотрел на него. Уголки его губ едва заметно двинулись, словно он хотел улыбнуться, но сдержался.

Выйдя из ресторана, Шэнь Цинцы не прошёл и пятидесяти шагов, как снова впал в привычную углеводную сонливость. Угу — захотел спать.

Он зевнул и медленно поплёлся за Лу Цзэянем к парковке. Едва усевшись в машину, уже не смог держать глаза открытыми. Бросил Лу Цзэяню фразу «Разбуди, когда приедем» — и позволил себе провалиться в сон.

Лу Цзэянь посмотрел на склонённое набок круглое лицо. Белое, нежное, с тонкой красной полоской, которую оставил ремень безопасности. Губы чуть приоткрыты, дыхание ровное — словно совершенно незащищённый зверёк.

Почему-то очень захотелось протянуть руку и ущипнуть его за щёку.

Но годы хорошего воспитания помогли сдержаться.

Он отвёл взгляд и добросовестно завёл машину, направляясь обратно в отель.

На подземной парковке Лу Цзэянь заглушил двигатель, повернулся к человеку, который рядом спал мёртвым сном, подумал три секунды и похлопал его по плечу.

— Просыпайся, приехали.

Никакой реакции.

Он похлопал ещё дважды.

— Приехали.

Шэнь Цинцы наконец медленно проснулся. Миндалевидные глаза постепенно раскрылись, взгляд ещё не успел сфокусироваться, а сам он выглядел совершенно растерянным — как зверёк, которого только что вытащили из зимней спячки.

— Приехали? — голос был хриплым, мягким, с сильным сонным гнусавым оттенком.

— Приехали.

Шэнь Цинцы протёр глаза и огляделся. Угу, действительно приехали, но двигаться ему не хотелось.

Совсем не хотелось.

Казалось, сонливость наложила проклятие на все четыре конечности, и каждая клетка тела кричала: «Не хочу идти, не хочу идти, не хочу идти».

Поэтому Шэнь Цинцы откинулся на сиденье и совершенно естественно спросил:

— Какой у тебя номер комнаты, говоришь?

Лу Цзэянь замер.

Он вспомнил, каким образом Шэнь Цинцы вчера оказался в его гостиничном номере.

— ...2806.

— Отлично.

Шэнь Цинцы лениво щёлкнул пальцами.

Раздался чёткий щелчок — и в следующую секунду оба одновременно оказались в номере Лу Цзэяня.

У Лу Цзэяня слегка подогнулись ноги.

Не от страха. Просто такой способ мгновенного перемещения не имел ничего общего с поездкой на лифте. Секунду назад ты сидишь в машине, а в следующую уже стоишь на ковре двадцать восьмого этажа. Словно тебя вырезали из точки А и вставили в точку Б — без перехода, без малейшей паузы. Система равновесия мозга просто не успевала среагировать.

Он опёрся рукой о спинку дивана и восстановил равновесие.

А Шэнь Цинцы...

Шэнь Цинцы с ювелирной точностью «вставил» себя прямо на единственную в номере кровать шириной два метра.

Да, именно так. Он занял кровать Лу Цзэяня.

Если прошлой ночью бездельник ещё соглашался кое-как устроиться на диване, то сегодня церемониться перестал: выгнал Лу Цзэяня на диван, а сам с полным правом оккупировал огромную кровать.

Перед тем как уснуть, он, зевая, сказал Лу Цзэяню:

— Спокойной ночи, Макка Пакка.

Через три секунды дыхание стало ровным — он отключился намертво.

Лу Цзэянь:

— ...

Какая ещё ночь? Сейчас чуть больше часа дня, до вечера ещё несколько часов.

Теперь понятно, почему вчера, когда ему звонили, он тоже спал. Воистину бездельник: поел — сразу спать, ни секунды не теряет и даже не боится испортить пищеварение... Ах да. Забыл. Этот малыш весьма загадочный и очень сильный. Видимо, о таких вещах ему вообще беспокоиться не нужно.

Лу Цзэянь мысленно вздохнул.

Этот малыш то и дело спрашивает его: «Будем встречаться или нет?», но по виду совсем не похоже, чтобы говорил серьёзно.

Подразнит походя — и тут же убегает, словно просто балуется.

Ладно, неважно. Теперь проблема съёмочной группы решена, завтра можно возвращаться к обычным съёмкам.

Он взял со столика сценарий. Вместо того чтобы думать обо всём этом, лучше ещё раз изучить роль.

—

Шэнь Цинцы проспал так крепко, что одним махом пересёк весь день.

Когда он проснулся, за окном уже стемнело. Свет в комнате не горел, лишь рядом с диваном светился торшер, мягко заливая половину номера тёплым оранжевым светом.

Лу Цзэянь сидел на диване. Сценарий в его руках был открыт примерно посередине. Брови слегка сведены — он сосредоточенно делал отметку напротив какой-то строки. Свет очерчивал чёткий профиль: высокий нос, резкие надбровные дуги, тонкие сжатые губы. Весь человек был похож на искусно вырезанную статую.

Шэнь Цинцы перевернулся на живот, подперев подбородок, и совершенно открыто принялся любоваться.

Угу, красивый. Брови как мечи, глаза как звёзды, линия профиля резкая, словно вырезана ножом; высокий нос, тонкие сжатые губы, а ресницы отбрасывают под глазами маленькую веерообразную тень.

И к делу относится серьёзно. Когда читает сценарий, погружается полностью: слегка хмурит брови, губы иногда двигаются, словно про себя повторяет реплики.

А главное — ещё и щедрый.

— Здесь речь, конечно, о том, как он принял «десять тысяч» за «миллион».

Шэнь Цинцы мысленно поставил Лу Цзэяню большой палец: отличный будущий кормилец.

Лу Цзэянь заметил его взгляд ещё три минуты назад.

Для человека, за которым годами следуют камеры и прожекторы, ощущение чужого взгляда было развито куда сильнее обычного. Этот взгляд ложился на тело, словно перо едва касалось кожи: не слишком заметно, но проигнорировать невозможно.

Сначала он хотел сделать вид, что ничего не заметил, и продолжить читать сценарий.

Но Шэнь Цинцы явно не собирался отводить глаз.

Прошла минута.

Две.

Три.

Взгляд не только не исчез, а стал ещё бесцеремоннее — прошёлся по нему сверху вниз, словно... выбирал товар на рынке.

Лу Цзэянь наконец поднял голову и встретился с ним глазами.

— На что смотришь? — голос был чистым и прохладным, с едва различимой беспомощностью.

Шэнь Цинцы моргнул большими глазами с совершенно невинным видом:

— Смотрю, какой ты красивый.

Тон был настолько искренним, что это даже не походило на флирт — скорее на констатацию объективного факта.

Лу Цзэянь:

— ...

<http://bllate.org/book/23945/2745367>